

Список литературы

- Bell D.A.* The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Modern Warfare. Boston: Mariner books, 2007.
- Palmer R.* Twelve who ruled, the Committee of public safety during the Terror. Princeton: Princeton univ. press, 1941.
- Soboul A.* Précis d'histoire de la Révolution française. P. Éditions sociales, 1962.

Mitrofanov A. Outlook on the French revolution from nowadays: interview with Pierre Serna

The author offers the readers an interview with the well-known French historian, the last director of the Institute of the French Revolution History, professor Pierre Serna, who tells about the Institute which he headed sometime and which is closed now, about his researches, about the current state of French studies on the Revolution, about the crisis of identity experienced today by the Fifth Republic. Particular attention is paid to such a long time neglected topic as the consolidation of national institutions in the era of the Directory, and the one, on the contrary, widely discussed as a phenomenon of Terror, which is explained by Pierre Serna with the traditional Republican "theory of circumstances".

Keywords: The French Revolution, Institute of the French Revolution History, the Directory, Terror, identity.

А.А. Митрофанов

СИНТЕЗ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ В ИЗУЧЕНИИ РЕВОЛЮЦИИ: БЕСЕДА С ПАТРИСОМ ГЕНИФЕ¹

В беседе автора с Патрисом Генифе, одним из ведущих французских исследователей Революции XVIII в., Консульства и Империи, поднимаются проблемы методологии современных исследований по соответствующей проблематике. Предостерегая, вслед за Ф. Фюре, от слепого доверия к архивному документу, П. Генифе считает, что от методологического «обнищания» историографию может спасти только синтез истории с философией, спасающий исследователя от зашоренности взгляда, обусловленного узкой специализацией, и позволяющий видеть события прошлого в широкой исторической перспективе.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., историография, методология, философия.

Патрис Генифе – один из ведущих сегодня французских специалистов по истории периода Революции XVIII в., Консульства и Империи. Работает много лет в Высшей школе социальных исследований (Париж) научным сотрудником Центра политических исследований им. Раймона Арона, который возглавлял в 2006-2008 гг. Автор многочисленных статей, в том числе в «Критическом словаре Французской революции», и ряда монографий². Беседа записана в Москве в ноябре 2012 года.

– Почему вы приняли решение изучать историю Французской революции? Был ли ваш персональный интерес связан с тем, что происходило в обществе в те годы?

– Всё просто: мой выбор был обусловлен давним интересом к событиям Французской революции. При этом первоначально я вообще не собирался заниматься историей; по-настоящему в то время меня интересовала философия. В этом плане ничего не изменилось: меня и по сей день

¹ Текст подготовлен к печати при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

² Dictionnaire critique de la Révolution française / Sous dir de F. Furet, M. Ozouf. 5 vol. P., 2007 (1re éd. – 1988); *Gueniffey P.* Le Nombre et la raison. La Révolution française et les élections, préface de François Furet. P., 1993; *Idem.* La Politique de la Terreur. Essai sur la violence révolutionnaire, 1789-1794. P., 2000; *Idem.* Le 18 Brumaire. L'épilogue de la Révolution française, P., 2008, *Idem.* Bonaparte : 1769-1802. P., 2013.

больше привлекает философия, чем история. Но, по разным причинам, в определенный момент я должен был прервать мои занятия по философии, а когда я вернулся к исследованиям, мой научный руководитель уже прекратил преподавать, и я должен был выбрать кого-то другого. Тогда я и обратился к изучению истории Французской революции. К тому времени я уже познакомился с Франсуа Фюре, и это окончательно определило тематику моих дальнейших исследований. Таким образом, мое решение не было связано ни с моими политическими пристрастиями, ни с состоянием историографии Революции на тот момент. Оно не было связано даже с книгой Фюре «Осмысляя Французскую революцию», ее я прочел уже после того, как мы с ним встретились. Так что мой выбор был отчасти случайным, так бывает. При нормальном стечении обстоятельств я бы продолжил изучение философии и никогда бы не занялся Французской революцией.

– Как Вы думаете, трудно ли написать историю Французской революции сегодня, в начале XXI века? Изменилось ли что-то в изучении Революции после празднования ее 200-летия?

– По сути, сегодня написание истории Французской революции – это гораздо более легкая задача, чем в прежние времена, поскольку в основе прежних споров лежала совершенно конкретная цель: преодоление идеологической схемы в истории. Сегодня же эта идеологическая схема интерпретации Революции разбилась вдребезги, и историки получили больше свободы. Но ситуация изменилась не только в этом плане. Сегодняшний парадокс состоит в том, что заниматься историей Революции стало проще, но никто ей более не занимается: я имею в виду, что никто во всем мире больше не пишет полную историю Французской революции. Тому много причин. На мой взгляд, прежде всего, это происходит по причине очень глубокой специализации в исторической науке, которая мешает создать действительно «всеобщую» историю Французской революции. Ведь чем больше профессиональный историк сосредоточен на том или ином конкретном аспекте, тем меньше он способен увидеть всю картину целиком. Другая причина заключается в исчезновении марксистской исторической схемы. Она была преградой на пути свободы исследований, но одновременно обеспечивала их структуру, позволяла осмыслить то или иное событие во всей его глобальности. А свобода в интерпретации революционных событий обернулась быстрым развитием [углубленной] специализации историков и как следствие, привела к неспособности рассматривать события во всей их целостности. Достаточно сказать, что со времени выхода книги Фюре «Революционная

Франция 1770-1880» не появилось ни одной новой глобальной истории Французской революции³. Но все же, не стоит преувеличивать влияние марксизма, так как речь идет о тенденциях в исторической науке в целом. Насколько мне известно, та же самая ситуация в последние десятилетия во Франции происходит и с историографией Древнего Рима, и средневековой Франции (особенно это заметно на фоне последних трудов Ж. Дюби), и Старого порядка. Их изучение, конечно же, не прекращалось. Выходят труды по политической, экономической, культурной, религиозной истории, но нет труда, охватывающего сразу все области. Иными словами, великой схеме интерпретации истории за минувшие годы ничто не пришло на смену. Это и есть цена свободы.

– Вы были среди авторов знаменитого «Критического словаря Французской революции». Это издание получило большую известность среди российских историков и сегодня еще для многих из них остается настольной книгой. Если бы сейчас появилась инициатива написания подобного словаря, как Вы полагаете, что за изменения произошли бы в его содержании?

– Я вовсе не уверен, что этот замысел мог бы вновь возникнуть сегодня, поскольку «Критический словарь Французской революции» был, по сути, своеобразным манифестом, направленным против якобинской историографии Революции, против господства социальной истории. Это реакция на стереотипную и неверно понятую историю Революции, столь печально завершившуюся таким памятником научному бесплодию, как обобщающие труды Альбера Собуля. Это книга весьма воинственная, и она в немалой степени способствовала крушению «классической» историографии Революции. «Критический словарь» содержал анализ, основанный, в свою очередь, на иных двух столпах: на изучении политической истории Революции и на философском подходе к ней. В центре внимания его авторов находилось новое, второе открытие политической культуры Французской революции, то есть того способа исторической интерпретации, который имел центральное значение для XIX века. При этом нужно сказать, что словарь этот страдает, на мой взгляд, и некоторыми преувеличениями. В частности, в утверждении о том, что Революция являлась сразу событием и философским, и политическим. Конечно, если бы аналогичный замысел воплощался сегодня, в него включили бы все то, чем прежний «Критический словарь» пренебрег, в частности, социальным измерением истории Революции. Ведь книги, подобные этому словарю, это всегда книги, созвучные своей эпохе. «Критический сло-

³ Беседа происходила в ноябре 2012 года.

варь» вышел в интересное время, когда происходило повторное открытие творчества и наследия Б. Констана и А. Токвиля. Хотя, по правде сказать, Токвиль никогда не был забыт – даже среди марксистов, которые отдавали ему должное, помещая в «пантеоне» социологов. А вот сочинения мадам де Сталь, Констана и Ф. Гизо в связи с господством марксизма надолго исчезли из оборота, редко цитировались, эти авторы оказались среди маргиналов. Именно в 1980-е годы и происходило то новое открытие либеральных авторов эпохи Революции, это была философско-политическая рефлексия. И веяния того времени, безусловно, отразились в содержании словаря.

– Скажите, а ситуация с наследием Ипполита Тэна, известного критика Французской революции, укладывается в ту же схему?

– Да, та же ситуация складывалась и с творческим наследием Ипполита Тэна, которого стали переиздавать именно в 1980-е, чего не делали с 1910-1920-х годов. По крайней мере его сочинение «Происхождение современной Франции» после 1914 г. практически ушло в тень. Скажем, Фюре не любил Тэна, тот казался ему неудобным и слишком реакционным, даже слишком контрреволюционным автором. И это было связано, прежде всего, с именами тех людей, которые эксплуатировали наследие Тэна, ведь оно в определенный период превратилось в «исторический бревиарий» движения «Аксон Франсэз». И сочинения Тэна откровенно использовались для критики Революции. Кстати, именно «правым» принадлежит честь повторного открытия наследия Тэна в 1980-х годах. А ведь, по сути, его суждение о Революции не было критическим, Тэн все же оставался сторонником идей 1789 года. Однако оно было враждебным: он рассматривал Революцию как ошибку, провал, трагедию и преступление.

– Еще один вопрос, имеющий прямое отношение к историографии. Какое положение занимает Центр Раймона Арона в современной научной жизни Франции? Какова его роль в изучении периода, который во Франции называют «современная история»?

– Центр Раймона Арона и сегодня напрямую связан с именем его основателя – Франсуа Фюре. И все люди, которые связаны так или иначе с работами Фюре, поддерживают его. Конечно, сегодня Центр изменился, так как произошла, отчасти вынужденная, смена поколений. Поколение Фюре ушло, а Фюре, как известно, не создал научной школы. Он занимался исключительно индивидуальными исследованиями, которые невозможно принять в качестве воспроизводимой модели. При этом каждый, кто работал вместе или рядом с ним, так или иначе разделял его

принципы и, в этом смысле, продолжил его дело. И хотя школы нет, труды Фюре очень индивидуальны, но сохранилось то, что является вполне идентифицируемой характерной чертой Центра Раймона Арона: выработанные Фюре способы постижения прошлого, методика исторического исследования, соединяющая в себе историю и политическую философию. Нужно обязательно сказать пару слов и о политических взглядах Фюре. Он был левым либералом, а левые либералы так и не добились политического успеха во Франции, хотя являлись влиятельным интеллектуальным течением и у них были яркие политические лидеры, подобные Мишелю Рокару. Это было течение не просто либеральное, но и немарксистское. Но все же они не были одной из основных политических сил, так как политическая система Франции слишком поляризована между левыми и правыми. Подлинная идея Фюре, как я понимаю, состояла в воскрешении духа французского XIX века, соединявшего историю и философию политики. Наиболее известными воплощениями этого духа явились Токвиль, Гизо, Кинэ и Мишле. Все они составляют французскую традицию, не принадлежащую полностью ни правым, ни левым, но в которой, тем не менее, были хорошо представлены и правые, и левые. Здесь самое время напомнить, что в отличие от XX века, когда история уже претендовала на роль самостоятельной науки, в XIX веке история писалась внутри университетов и определяла себя вовсе не как отдельная наука, а лишь как ветвь «главной науки» – философии. Другой равновеликой ветвью философии представлялась и социология. Но, история конституировалась как наука только по мере становления современного университетского типа обучения, т.е. в XX веке. Это важно для понимания замысла Фюре. Основная его идея состояла в предотвращении «обнищания» истории. По его мнению, история сохранит свое богатство только в союзе с моральной философией и политической философией. Он полагал, что чем больше история попадает в зависимость от содержимого архивных хранилищ, тем больше она теряет из того, что составляло прежде ее основное богатство. В этом философско-историческом подходе были и свои отрицательные стороны: так, например, специалисты, работающие в стиле Фюре, вовсе не являлись главными специалистами по архивам.

– В этой связи хотелось бы спросить вас об отношениях историков с архивами в начале XXI века в целом. Что, с вашей точки зрения, диктует логику отношения к архивам?

– Первая книга, которую я написал, «Число и разум. Французская революция и выборы» – это исследование, созданное исключительно на ар-

живных материалах. Но, в то же время, поскольку я находился под значительным влиянием Фюре, то попытался не довольствоваться архивами, руководствуясь идеей о том, что всего необходимого историку, там нет. Я согласен с тем, что использование архивов обязательно, а некоторые архивы, например, дипломатические, и сегодня позволяют ученым делать многочисленные открытия. Но я полагаю, что нужно иметь критическое отношение к архивам, поскольку истина далеко не всегда хранится в их недрах: там ведь, в основном, остаются следы официальной документации. В архивах я находил протоколы и другие документы, которые заставляли верить в то, что во время Революции имели место выборы. Но, по мере изучения темы, я стал отмечать, что в реальности в революционную эпоху не было выборов, не было ничего похожего на то, что предусматривал закон о выборах. Была продекларирована новая система выборов, а, по сути, сохранялась прежняя система Старого порядка, которая была немного модернизирована Директорией только к концу революционного десятилетия. И именно в архивах я увидел, что избирательные протоколы и другие документы о выборах оформлялись по единообразной схеме согласно официальным предписаниям. Возможно также, что впоследствии избирательные протоколы переписывались, а исходные данные менялись. Исследование я смог завершить лишь благодаря тому, что нашел ответы на свои вопросы в жалобах и протестах против результатов выборов, которые доказывали, что на самом деле, избирательная система Революции оставалась неработающей и по-прежнему использовались практики, выработанные еще Старым порядком. И в тот момент, когда революционеры решили применить новую избирательную систему, люди не смогли голосовать, потому что они ничего в этой системе не понимали.

– **Вы автор ряда работ о Великом терроре. К сожалению, через два с лишним столетия после Термидора можно сделать вывод, что террор стал явлением международным. Как Вы думаете, почему во Франции в 1789-1815 гг. индивидуальный террор не получил такого размаха, как в России в конце XIX и начале XX века?**

– Для понимания истории Французской революции феномен Террора чрезвычайно важен. Но это был вовсе не индивидуальный террор, а Террор как политическая стратегия. Да, конечно, во Франции конца XIX в. имел место индивидуальный террор, которым занимались анархисты, используя бомбы для совершения покушений. Но это иное явление, отличающееся от революционного Террора. Я думаю, что индивидуальный террор и Террор во время Французской революции и во время

большевистской революции в России – это два отличных друг от друга феномена. Террор – это инструментализация насилия с политическими целями, которая проводится самой государственной властью. Это вовсе не террор, проводимый независимой от государственных институтов радикальной оппозицией, это террор, проводимый государством против своего населения. Действительно Французская революция и революция большевистская – это два случая в мировой истории, когда правительство использовало террор против своего собственного населения. Но большое отличие между феноменом Террора в истории этих двух революций состоит в том, что во французском случае он длился два года, а в российском, к несчастью, намного дольше (то же относится и к китайскому случаю). Есть и другое отличие. Как мне кажется, оно состоит в том, что в России, как и в Китае, революционные власти опирались на идеологию, которая помогала им долгое время находиться у власти. Коммунистическая идея давала больше сил революционному проекту хотя бы потому, что для построения такого общества требовалось гораздо больше времени, чем для создания общества буржуазного. Во Франции же ничего подобного не было, идеология французских революционеров – это, прежде всего, идея построения буржуазного общества. Там Террор трактовался как средство военного времени, тесно связанное с самим революционным процессом. При этом цель революционного процесса ничего общего не имела с идеей коммунизма. Их цель, цель Робеспьера – это буржуазное общество. Если бы они были приверженцами более левых взглядов, они захотели бы, к примеру, использовать прогрессивный налог на доходы, который существует во Франции сегодня: чем больше зарабатываешь, тем больше платишь. А цель «террористов» 1793 года ограничивалась построением общества, где торжествуют буржуазные ценности и правительство подчиняется закону. Именно идеология в данном случае мне кажется главным отличием. Учитывая отсутствие идеологии, которая лежала бы в основе революционного порядка управления во Франции, террористический режим держался только благодаря обстоятельствам. Пока военные действия складывались для Франции неудачно, режим сохранялся, но как только поступили первые известия о победах, режим рухнул, поскольку потерял свое оправдание. В последний момент Робеспьер попытался на скорую руку подлатать идеологию режима с помощью провозглашения культа Верховного существа, то есть на помощь Революции он призвал религию, заявляя, что Революция заключается не только в победе над иностранными врагами, но и в реализации providенциального за-

мысла, ниспосланного нам Верховным существом. Но эта схема не работала, никто не верил в нее, кроме ее создателя. И когда новости о победах в Голландии и Бельгии достигли Парижа, революционный порядок управления попросту обрушился. Известно, что в дни, предшествовавшие перевороту 9 термидора, на улицах происходили волнения с целью помешать казни осужденных, у тюрем собирались граждане, которые требовали освобождения заключенных. Для усмирения волнений пришлось использовать войска. Это означало, что система Террора начинала обваливаться. И наконец, термидорианцы просто понимали лучше, чем Робеспьер, что для них единственная возможность остаться в живых связана с завершением Террора. В России же эта система продержалась немногим менее пятидесяти лет. Во-первых, по причине наличия идеологии. Во-вторых, потому, что Вторая мировая война, в конечном счете, усилила власть Сталина, которая не являлась более властью революционной, но должна была стать властью русской и национальной, патриотической. По сути, после 1945 г. Сталин приобрел дополнительную легитимность. Первой была легитимность революционная, а вторую, патриотическую, он приобрел во время войны. Это и дало возможность продлить существование режима и после смерти Сталина, еще почти на сорок лет, до Горбачева. На мой взгляд, в этом и есть ключ к пониманию феномена Террора и его длительности. Индивидуальный же террор, о котором вы спрашивали, имел место и во время Французской революции. Происходили покушения на Марата, Робеспьера, Сийеса и Барраса, взрыв на улице Сен-Никез, устроенный с целью убийства Наполеона Бонапарта. Но это явление другого исторического масштаба. Они были связаны с давней традицией, восходящей к XVI веку, которая была вначале протестантской, затем, пройдя через католицизм Лиги, была истолкована как «тираноубийство». Во время Революции призыв «убить тирана», в конце концов, был обращен к каждому истинному республиканцу. И Шарлота Корде, убивающая Марата, – прекрасный тому пример. Мы находим здесь, я полагаю, ту же самую идею тираноубийства, которая двигала и участниками покушений в России XIX в. Со времен Древнего Рима покушение рассматривалось как нечто легитимное, так как тираном считался правитель, не соблюдающий никаких правил и законов. Прототипом же всех тираноубийств считалось убийство Цезаря. Причем эта идея была дорога как республиканцам, так и роялистам. Ранее же протестанты использовали ее в борьбе против давления со стороны католиков, а затем ее приняли экстремисты-католики, примерами чего стали убийства монахом-лигёром Генриха III и фанатиком-католи-

ком Генриха IV. Следующим крупным событием в этой череде было покушение Дамьена на Людовика XV. Ровно эту самую идею возродили в 1793 г., во время процесса над королем, когда царевичество стремились представить как тираноубийство. Даже после переворота 18 брюмера появилось несколько памфлетов, призывавших новых Брутов к тираноубийству, то есть к убийству Бонапарта, уничтожившего республику и взявшего всю власть в свои руки.

– Как вы полагаете, может ли сегодня историк-профессионал во Франции заниматься изучением альтернативных версий прошлого? Скажем, если бы реставрация Бурбонов произошла на 15 лет раньше, стал бы этот политический режим военной диктатурой, как Первая империя, или же был бы скорее похож на Июльскую монархию?

– Во Франции это направление называется «укрония» (*uchronie*), от слова «кронос» (время), по аналогии с «утопией». Сторонников этого подхода интересуют вопросы, что произошло бы, если бы то или иное событие не случилось. Это занятие, на мой взгляд, безусловно, забавное, однако, несколько безосновательное, поскольку все мы, так или иначе, воспринимаем ход истории как совокупность более или менее объективных факторов. Я полагаю, что реставрация монархии во Франции не могла бы произойти значительно раньше, чем она произошла на самом деле: чтобы она совершилась во второй половине 1790-х годов, Бурбоны должны были принять Революцию. А Людовик XVIII в то время отнюдь не собиравшийся с этим соглашаться. И потребовалось 15 лет правления Наполеона, чтобы понять, что в реальности во Франции все же что-то изменилось и с этим необходимо считаться. В то же время, события после 1814 года показали, что режим Реставрации не был способен к позитивному развитию. И это именно то, что Шатобриан понял и прекрасно объяснил: царевичество уничтожило сакральный характер монархии во Франции. И это, безусловно, было великим несчастьем для Франции, которая испытала на себе всю тяжесть последствий ошибок Людовика XVI. Если бы Людовик XVI принял Революцию, если бы он не пытался бежать в Варенн, тогда, вероятно, последующая история была бы другой. Скорее всего, не было бы войны, не было бы Террора, не было бы Наполеона, и, вполне возможно, Франция получила бы возможность вновь стать нормальной европейской страной. Тогда как после царевичества Франция более не смогла обрести формулу политической стабильности. Только начиная с конституции де Голля, с 1959 года такая формула была, наконец, получена. Но до де Голля никакой политической стабильно-

сти в стране не было. Характерно, однако, что во Франции, при слабом государстве, существовала традиционно сильная администрация. Именно эта администрация обеспечивала преемственность, единство страны, тогда как сменявшие друг друга политические режимы, за исключением двух, не обладали никакой легитимностью. Исключениями были режимы Наполеона и де Голля. Революция и крушение конституционной монархии создали непреодолимую пропасть между правом и легитимностью, поскольку революционеры, ниспровергая своего короля во имя народа, ниспровергли и свою собственную конституцию. Легитимность и право, законность и конституция так и не смогли после этого вновь объединиться. Так что, если революционеры и изобрели новое общество, нового государства они изобрести не смогли. И мы до сих пор продолжаем расплачиваться за последствия царубийства, поскольку это особая разновидность исторического разрыва. Я полагаю, что Россия находится в том же самом положении. После царубийства она не завершила создание политической легитимности, не имеет стабильного юридического порядка. Тогда как в ходе других революций это происходило иначе. В Англии, где тоже имело место царубийство, вновь учредили монархию в пределах существующих юридических рамок. Таким образом, там сменили короля, но не сменили конституцию. Тогда как мы, французы, совершили и то, и другое. Отсюда и берет начало перманентный политический кризис Франции, единственным спасением от которого оказалась ее администрация – наследие институтов Старого порядка. Это стало ясно еще благодаря гению Токвиля, объяснившего, что при меняющихся режимах единственной стабильной структурой во Франции оставалась только ее администрация. Революция в 1789 году разразилась именно потому, что тяжелый финансовый кризис совпал по времени с кризисом административной системы. И кризисы на протяжении XIX-XX вв. возникали только в том случае, если система административной стабилизации переставала работать.

Список литературы

- Dictionnaire critique de la Révolution française / Sous dir de F. Furet, M. Ozouf. 5 vol. P. : Flammarion, 2007.
- Gueniffey P. Bonaparte : 1769-1802. P. : Gallimard, 2013.
- Gueniffey P. Le 18 Brumaire. L'épilogue de la Révolution française, P. : Gallimard, 2008.
- Gueniffey P. Le Nombre et la raison. La Révolution française et les élections, préface de François Furet. P. : Éd. de EHESS, 1993.
- Gueniffey P. La Politique de la Terreur. Essai sur la violence révolutionnaire, 1789-1794. P. : Fayard, 2000.

Mitrofanov A. Synthesis of History and Philosophy in French Revolution Studies: interview with Patrice Gueniffey

In an interview with the Patrice Gueniffey, one of the leading French scholars of the French Revolution, the Consulate and the Empire, the authors raises the problem of the methodology of contemporary researches on correspondent issues. Following François Furet, M. Gueniffey cautions of blind confidence for archival documents. He believes that only the synthesis of philosophy and history can preserve from a methodological "impoverishment" of historiography, save researchers from tunnel vision due to the narrow specialization, and allow regarding events of the past in a broad historical perspective.

Keywords: the French Revolution, historiography, methodology, philosophy.